

ПОБЕДИТЕЛЬ

МУЖЕСТВЕННЫЕ, ТАЛАНТЛИВЫЕ, ТВОРЧЕСКИЕ

10 марта на сцене Колонного зала Герценовского университета состоялся финал конкурса «Мистер РГПУ-2017».

«Конкурс проходит в самом красивом, особенном зале РГПУ им. А.И. Герцена — Колонном зале, и это не случайно. Ведь именно на этой сцене выступают самые талантливые студенты нашего университета. И мы увидим здесь самых достойных и мужественных представителей различных факультетов и институтов. Желаю победы участникам, а зрителям захватывающего представления», — напутствовал участников и.о. проректора

по воспитательной работе Герценовского университета Сергей Махов.

Восемь участников, вышедших в финал, соревновались за звание лучшего в интеллектуальном конкурсе, представляли творческие номера, демонстрировали свои способности и таланты.

По решению жюри мистером РГПУ-2017 стал студент факультета безопасности жизнедеятельности Нестер Аргун, вице-мистером — студент Института педагогики Евгений Терехов. Победителей и финалистов поздравили члены жюри, от лица руководства РГПУ им. А.И. Герцена — начальник управления по связям с общественностью Андрей Тумалев.

Ольга Журкина

потенциала, но и напрямую саморазвитие личности...» («Антиконформизм в процессе формирования самооценки творческих достижений у учащихся детской художественной школы».)

ГАЛИНА НЕВЕРОВИЧ, старший преподаватель кафедры педагогики и психологии детства Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, преподаватель Высшей школы психологии и педагогического образования

(г. Архангельск): «При современном обучении значимая роль азбуки явно угасает, но азбучный принцип расположения и подачи информации актуален. Это дает возможность использовать его в процессе литературного образования ребенка, наделяя азбучный текст функцией приобщения детей к культурному наследию России. Страница в азбуке является своеобразным смысловым полем, на котором возникают художественные связи между поэзией, философией, наукой, историей и искусством. В авторской азбуке каждая буква как арт-объект представляет эпоху, соответствует направлению искусства, мировоззрению художника. Методические возможности использования азбучного текста на уроках литературного чтения безграничны: от весьма узкой направленности азбуки как книги для обучения грамоте до погружения в глубины истории и культуры общества. Так с помощью азбучного текста, созданного различными авторами, ребенок проходит путь от познания буквы к слову, а от слова к пониманию мира русской культуры». («Азбучный текст как культурный код литературного образования ребенка».)

НАТАЛЬЯ АНШУКОВА, учитель музыки средней школы №52 им. Героя Советского Союза Г.И. Катарина (г. Архангельск): «Многие педагоги сталкиваются с проблемой «неслышания» музыки, проявляющееся в отсутствии интереса у уча-

щихся к музыкальному произведению, невнимательности... На уроках музыки мы используем виды эйдос-конспектов: цветные, в основе которых — символика цвета, графические — опорные схемы-графики, и художественные, в основе которых — рисунок, фотография или коллаж». («Развитие музыкального восприятия через технологию развития критического мышления на уроках музыки в общеобразовательной школе».)

Второе отделение конференции, ее практическая часть, была посвящена мастер-классам, которые провели художники-педагоги центра «Российский музей музейной педагогики и детского творчества» Русского музея Ксения Шафроненко (тема «Технологии современного изобразительного искусства в работе детьми») и Светлана Денисова (тема «Лаковая живопись народных мастеров: Палех»).

Эпилогом конференции стал блистательный концерт лауреата международных конкурсов, выпускницы Санкт-Петербургской Консерватории Динары Абдурасуловой (фортепиано) и лауреата международных конкурсов, студентки 5 курса Петрозаводской консерватории Евгении Лубянцева (скрипка).

Материал подготовила Ирина Дмитриевна ПЕЛИХ, ответственный секретарь Организационного комитета III Всероссийской научно-практической конференции «Герценовские чтения. Художественное образование ребёнка: стратегии будущего»

В ПОИСКАХ СЧАСТЛИВЕЙШЕГО МОМЕНТА

5 и 16 февраля стали премьерными днями показа спектакля «Три высоких женщины» по пьесе Эдварда Олби в мастерской Института музыки, театра и хореографии РГПУ им. А.И. Герцена Заслуженной артистки России Марии Лавровой. Оба дня постановка режиссера Ольги Семенович проходила с аншлагом. Среди зрителей был и корреспондент «ПВ», который попытался выяснить, чем вызван такой успех.

Отчасти успех кроется в самой пьесе. Если мы отбросим текст, то поймем, что его диалоги весьма заняты и относительно просты для абсурдиста-Олби: нет резкой смены действий, мало непонятных аллюзий и назло нелогичных реплик. Вероятно, к 90-м годам XX века, когда драма была написана, влияние театра парадокса на писателя несколько уменьшилось, хотя погруженное чтение произведений Эдварда Олби, безусловно, являет нам отпечаток глубокой мотивации театралных традиций и Брехта, и Ионеску, и Беккета, чье наследие мы до сих пор наблюдаем в постановках современных театров. Кажется, что воспитанные на реализме российские зрители только сейчас начинают понимать подобные арт-эксперименты, и театралы это активно используют.

Действия в пьесе как такового нет: три женщины 26 (Вероника Панкратова), 52 (Элина Разгуляева) и 92 лет (Анастасия Дашина) рассказывают друг другу о своей жизни. Правда, спустя время оказывается, что это одна и та же дама, которая беседует сама с собой, с теми, кем она когда-то была: 26-летней принципиальной максималисткой и 52-летним разочарованным циником. В 92 она все еще высокомерна, но умеет прощать и смотреть на себя со стороны. Их общему существованию приходит конец, и они делятся с нами самым сокровенным, что у них есть — вос-

поминаниями. Комический диалог превращается в исповедальные монологи, стираются границы между «я» и «мы», у этих женщин общая судьба. Пьеса Олби — о том, что у каждого возраста — своя правда, и у каждого — свои поводы для беспокойства и обид и свои основания для прощения.

Если в первом акте, когда мы только вникаем в суть, нас радуют танцевально-музыкальные вставки и моменты полной тьмы с показом черно-белых фото счастливой жизни молодежи тридцатых годов, то во втором этого нет, и оно не нужно: героини становятся сами собой, одним целым, а нам многое становится понятно. Несмотря на то, что мы почти ничего не наблюдаем (кроме эмоций), а только слушаем, воображение наше рисует картину так отчетливо, что заменяет любые декорации. Для нас возрастные проекции — самые что ни на есть живые люди, и только фотография старшей женщины с закрытыми глазами на экране напоминает о том, что таких энергичных персонажей, на самом деле, нет на свете.

Это произведение драматург посвятил памяти покойной приемной матери. Проследив историю самого Олби, мы увидим, что личная интонация пьесы не вызывает сомнений: подобно сыну своей героини, он в молодости ушел из дома, сменив фамилию. Теперь, на старости лет, расплачивается по старым счетам: в пьесе только три героини и никто, кроме них, не имеет голоса для само-

оправдания. Сын (Василий Петров) возвращается к матери только после ее смерти и молча несет свой крест, не смея просить прощения вслух.

Как мог Олби так чувствовать женщин, одному Богу известно, но мы смеялись и плакали над репликами героинь, а мужчины — хмурились. Единственное, что могло испортить постановку, — плохая игра актеров, но она была прекрасна, особенно, когда сошло волнение после первого действия. Испушенного зрителя не могла не порадовать челоуечность исполнения ролей. Практически не было постмодернистских заявок на каменные лица, громких политических подтекстов, излишней суетливости или моментов нарочитой скуки. Зал был тих и задумчив после таких фраз, как: «Я бы хотела, чтоб с детства все это знали — в шесть лет говорили бы, — я умру, и понимали, что это значит». А после слов о том, что можно выйти замуж за человека, потому что он забавный и похож на пингвина, — от души хохотал.

За всеми эпизодами блаженства и страданий и в душе героев, и в сердце зрителя наступает минута облегчения, а, возможно, даже счастья: «Я говорила... вот о чем: о приближении конца, да, — напоминает героиня Анастасии Дашинной. — Итак, ты спрашивала. Вот самый счастливый момент. Когда все сделано. Когда мы остановились. Когда мы можем остановиться». Реплика, от которой идут мурашки по коже, а зал начинает неистово рукоплескать. Актерам до последнего не верится, что спектакль окончен: их лица все еще задумчивы. А ведь в контексте отдельно взятой человеческой жизни он, наверное, действительно не окончен, потому что мы сами еще не остановились, мы не можем остановиться.

Снежана МАЖЕКЕНОВА, корреспондент «ПВ»

ского развития современных детей все чаще звучат тревожные нотки по поводу эстетических качеств индивидуального почерка сегодняшних школьников. Мы уже совсем забыли известное в прошлом изречение: «Красота письма — красота души»... Многие крупные фирмы Японии приглашают в обеденный перерыв мастеров каллиграфии, которые занимаются с сотрудниками каллиграфией по полчаса в день. Руководители компаний считают это весьма недорогое занятие полезным не только для здоровья, но и для развития творческого потенциала специалистов». («Художественно-эстетическое образование детей и проблема почерка».)

АННА ФИЛИМОНОВА, доцент кафедры живописи, графики и графического дизайна Государственного социально-педагогического университета (г. Волгоград): «Подроски, обучающиеся в художественной школе, обретают навыки обсуждения

результатов художественно-изобразительной деятельности и использования критериев их оценивания в процессе диалогического общения со сверстниками и взрослыми. При этом подросток строит подход к оценке своих рисунков в условиях оценочных суждений референтного сообщества преподавателей и юных художников и постепенно вырабатывает индивидуальный стиль оценивания. От активности и значимости референтного сообщества, в котором обучается подросток, зависит не только развитие его творческого